

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 325.14

DOI: 10.17223/2312461X/16/10

ВОЗМОЖНО ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ «ДИСКУРСА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ КАК КОНСЕРВАТИВНОГО АНАХРОНИЗМА ЭПОХИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА»*

Лариса Валериевна Дериглазова

Аннотация. В обзоре дискуссии, проходившей 16 сентября 2016 г. за круглым столом в рамках Первого Томского антропологического форума «Антропология в поисках нового языка описания», представлены результаты обсуждения методологических подходов к исследованию интеграции мигрантов в современном мире. Показано, как в ходе дискуссии анализировались проблема «методологического национализма», возможности использования концепций транснационализма, космополитизма, сверхмногообразия (Super-Diversity), глубокого разнообразия (Deep Diversity). Рассказано также о направлениях обсуждения сущности постмодернистского консервативного поворота, кризиса модели национального государства, сравнении условий миграции в Европе, России и других регионах мира.

Ключевые слова: миграция, интеграция, методологический национализм, транснационализм, космополитизм, сверхмногообразие, консервативный поворот

16 сентября 2016 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) был проведен круглый стол, посвященный методологии исследования проблем интеграции мигрантов в современном мире¹. Круглый стол был частью мероприятий в рамках Первого Томского антропологического форума «Антропология в поисках нового языка описания» (Первый Томский антропологический... 2016), организованного Лабораторией социально-антропологических исследований (ЛСАИ) ТГУ.

Основой обсуждения стала статья Е.И. Филипповой, сотрудника Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, «Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П220 № 14.B25.31.0009).

эпохи транснационализма» (Филиппова 2016: 305–322). В дискуссии приняли участие А.А. Ярлыкапов (Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО), Ц. Дариева (Центр исследований Кавказа Йенского университета, Германия), В.И. Дятлов (Иркутский государственный университет), С.Н. Абашин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), О.В. Корнеев (ЛСАИ ТГУ и Центр исследований локального активизма (CERAL) факультета права, политических и социальных наук Университета Париж-13, Франция), О. Хабек (Институт этнологии Университета Гамбурга, Германия), Б. Даве (Центр современных исследований Центральной Азии и Кавказа Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания), С.К. Олимова (Научно-исследовательский центр «ШАРК» (Душанбе, Таджикистан); Е.В. Миськова (Московский государственный университет). Круглый стол вела Л.В. Дериглазова (ЛСАИ, ТГУ). Дискуссия продолжалась более двух часов, превысив время, отведенное регламентом конференции.

Статья Е.И. Филипповой была предварительно разослана заранее намеченным основным участникам дискуссии, чтобы они могли ознакомиться с текстом и представить свои аргументы. В начале дискуссии было предоставлено слово Елене Ивановне для краткого изложения тезисов статьи. *Е.И. Филиппова* отметила, что обсуждаемый текст является результатом работы в научном семинаре в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) под руководством Владимира Малахова и признала, что, возможно, главный тезис статьи, вынесенный в название, – «Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма» – звучит провокационно. Е.И. Филиппова обратила внимание на то, что современный миграционный кризис сделал проблему интеграции мигрантов центральной – к этой проблеме обращаются политики, средства массовой информации, интеллектуалы. Главным содержанием этого обсуждения является поиск способов адаптации мигрантов к нуждам и потребностям принимающего государства с тем, чтобы не нарушить существующие «благополучие, равновесие, спокойствие, стабильность и безопасность». Такое обсуждение проблемы ведется, по мнению выступающей, в рамках *методологического национализма*, который рассматривает «нахождение (человека. – *Прим. авт.*) в государственных границах нормой, а выход за их пределы – нарушением нормы». Этот подход определяет позиции обсуждения проблемы мигрантов – государствоцентризм и культуроцентризм. В этих концептуальных рамках представляются разумными и оправданными такие меры, как преграды на пути пересечения границ, получение вида на жительство и гражданства, выдворение нелегалов с национальной территории, миграционные квоты, политика селективной

или рестриктивной миграции, определение регионов для поселения мигрантов, заключение контрактов на интеграцию, сдача экзаменов на знание языка, истории, законов принимающей страны и т.п. Эти процессы происходят практически во всех странах, включая Россию.

Методологический национализм проявляется и в том, что фигура мигранта предстает как фигура «абсолютного другого», разрушающего национальную идентичность, ценности, привычный образ жизни, угрожающего жизни и безопасности принимающих обществ. По мнению *Елены Ивановны*, данный дискурс характерен для консервативных сил в Европе, которые также выступают против европейской интеграции. Этот «постмодернистский консервативный поворот» указывает на очередное столкновение двух онтологических потребностей человека: потребности в свободе и потребности в безопасности. Несмотря на то что массовая миграция происходит во многих регионах мира, только на европейском континенте присутствует дискурс о культурной интеграции, что является, по мнению докладчика, отражением методологического национализма.

Причиной методологического национализма, полагает *Елена Ивановна*, являются сама идея национального государства и ее воплощение в Европе в период модерна. Е.И. Филиппова подчеркнула, что национальное государство, выступающее синонимом либеральной демократии, требовало превращения населения страны в граждан. Интегрирующими инструментами формирования нации являлись обязательное всеобщее образование и всеобщая воинская повинность, которые распространяли общий язык и набор базовых ценностей. Ссылаясь на Эрнеста Ренана, Елена Ивановна аргументировала, что отличительными чертами нации-государства являются стирание различий и образование историко-культурного единства с выраженным чувством патриотизма. Именно эти особенности европейского нациестроительства привели к двум мировым войнам в XX в. Европейские интеллектуалы и политики после войн попытались найти способы «уничтожить патриотизм», сделав упор на общечеловеческих ценностях. Отсюда исходит идея создания единой Европы, которая сначала была экономическим проектом, но очень быстро приобрела политическое и социокультурное измерение. Построение Евросоюза сопровождалось ослаблением суверенитета входящих в него государств, почти повсеместным отказом от воинского призыва и фактическим табуированием слова «патриотизм». В соответствии с новыми задачами стали менять программы школьного образования с отходом от идей патриотизма и национальной гордости и доминированием идеи многообразия, вариативности и свободы.

Послевоенное развитие показало, по мнению *Е.И. Филипповой*, преобладание идеи свободы над идеей безопасности. Как следствие, в 1960-е гг. произошли множество восстаний меньшинств – гендерных,

языковых, этнических, религиозных, а также молодежные волнения. Послевоенная деколонизация порождает постколониальный дискурс и альтернативные версии национальных историй, коллективной памяти, которые приходят в противоречие друг с другом. Постколониальный период характеризуется усилением миграций и, прежде всего, из бывших колоний в бывшие метрополии. Происходит столкновение людей, которые раньше напрямую не соприкасались, но имели по поводу друг друга определенные представления. Следующий этап современного кризиса связан с выходом на мировую арену международного терроризма в сентябре 2001 г. Негативные тенденции усиливаются в условиях глобального экономического кризиса 2008 г., в результате чего происходит значительное сокращение социальных обязательств европейских государств. Активное развитие Европейского союза приводит к кризису демократии, когда усиливается разрыв между институтами, принимающими решения, и людьми. Разочарование в традиционных механизмах политического участия (партии, профсоюза) приводит к дальнейшему ослаблению национального государства и фактической дезинтеграции европейского общества.

В этих условиях, полагает Елена Ивановна, «разговоры об интеграции (мигрантов. – *Прим. авт.*) несколько запоздали». Современные развитые европейские экономики представлены крупными городами, и для них характерны примат индивидуализма, ослабление социальных связей, отказ от общепринятых норм и культивируемое право на различие. Мигранты, напротив, являются выходцами из традиционных обществ, часто из сельской среды, где общинные связи сильнее, и они структурируют общественные отношения. Мигранты в европейских крупных городах пытаются воссоздать привычную им систему социальных связей и отношений, однако принимающее общество видит в них чужаков, живущих в своем закрытом общинном мире. Е.И. Филиппова подчеркивает, что европейские мыслители справедливо говорят о том, что европейское общество не является интегрированным, а потому не может интегрировать другое сообщество. Таким образом, сегодня «бесперспективно и бесполезно продолжать обсуждать миграционную проблему в терминах интеграции». Интерес представляют другие концепции, предложенные европейскими учеными, а именно *транснационализм, космополитизм и сверхмногообразие*.

Далее Елена Ивановна коротко охарактеризовала названные подходы. По ее мнению, *транснационализм*, или *транслокальность*, рассматривает мигрантские сообщества, которые вне зависимости от продолжительности миграции и интенций сохраняют постоянные и устойчивые связи со страной или даже местом выхода. Этому способствуют современные средства коммуникации, которые стали доступными, быстрыми и дешевыми. Мигрантские сообщества создают собственные

институты обеспечения специфических потребностей, которые не могут или не хотят предоставить принимающие общества. Это магазины, где можно приобрести определенные продукты или одежду, этнический общепит, печатные издания, переводческие конторы, юридические консультации, бизнес и рабочие места. Все это дает возможность мигранту длительное время существовать в новой стране, не интегрируясь в принимающее общество, не изучая язык, фактически не меняя своих бытовых привычек, продолжая сохранять привычный образ жизни. Главная проблема, возникающая в данной ситуации, – это лояльность мигранта к принимающему государству в юридическом смысле, т.е. следование законам страны проживания. Если мигрант следует букве закона, то теоретически государству должно быть совершенно безразлично, что человек делает, когда он остался наедине с собой и своими близкими. Елена Ивановна предположила, что *транснационализм* делает интеграцию в ее классическом понимании не просто ненужной, но даже вредной. Так как изменчивость рынка труда и высокая трудовая мобильность будут сохраняться, мигрантам не нужно иметь глубокие корни, но нужно «иметь мощные щупальца, которые позволяют присосаться быстро там, где ты оказался, сориентироваться, встроиться и потом так же безболезненно переместиться в другое место». По сути, такая ситуация не должна создавать условий для психологической фрустрации мигранта, который вынужден часто переезжать, и проблемы для принимающих сообществ.

Характеризуя концепции *космополитизма*, *Е.И. Филиппова* подчеркнула, что она позволяет описать и анализировать те категории мигрантов, которые выходят за рамки традиционного дискурса о дискриминации и меньшинствах. Здесь речь идет об экспатриантах, лицах с двойным гражданством, трансграничных маятниковых мигрантах, т.е. о людях, которые работают и живут сразу в нескольких странах. Эти практики порождают людей с множественной лояльностью, причем не обязательно с более высокой к стране постоянного проживания. Цитируя слова Жоржа Перека о космополите как человеке, который «нигде не дома, но которому хорошо почти везде», Елена Ивановна подчеркнула, что такой тип космополита как человека более открытого, уверенного и лишённого фобий – это скорее желаемая перспектива, чем наличная практика. Пока эта модель доступна в основном лицам с определенным уровнем материального достатка и с высоким социальным или культурным капиталом. Речь идет о высшем эшелоне ученых, артистов, писателей, политиков и высшем менеджменте крупных компаний. Этим людям практически все равно, где они сегодня находятся.

В заключении *Е.И. Филиппова* охарактеризовала концепцию *сверхмногообразия*, которая была предложена Стивеном Вертовеком. Эта концепция, по мнению Елены Ивановны, позволяет посмотреть на

сложные траектории современных миграций, когда в одном пространстве сосуществует множество языков, но не формируется двуязычие или трехязычие, а происходит *креолизация*, причем не только в языковом, но и в культурном смысле. Ссылаясь на концепции Эдгара Морена, его парадигму сложности, Елена Ивановна подчеркнула растущую множественность идентичностей, которая не определяется только этническими и культурными аспектами, но также включает гендерные и возрастные особенности, состояние здоровья, уровень образования, финансовое положение человека и многое другое. Это все влияет на интеграционные стратегии мигранта и на успешность его обустройства на новом месте. Елена Ивановна полагает, что сегодня *многообразие* можно и нужно понимать как многообразие жизненных стилей внутри одного государства или вне государства. Соответственно, определение «свой – чужой» происходит на основании маркеров, характеризующих жизненные стили, и эта тенденция будет усиливаться в дальнейшем.

Подводя итог, Елена Ивановна вернулась к первоначальному тезису своего выступления и сказала, что пора прекратить пытаться вернуть мир, который уходит или практически ушел, а необходимо в новом, сверхмногообразном, очень сложном, мозаичном мире, состоящем из видимых и невидимых сетей, из легальных и нелегальных агентов, из зачастую противоречащих друг другу структур учиться выживать и интегрироваться по-новому. В этих условиях каждому человеку придется самостоятельно выбирать, в какие именно сети встраиваться, какие культурные коды усваивать.

Переходя к дискуссии, Л.В. Дериглазова заметила, что у нее как историка выступление вызвало множество вопросов, а некоторые тезисы она бы оспорила. Например тезис о том, что современное национальное государство является синонимом либеральной демократии. Тезис о «славном тридцатилетии» во Франции явно является упрощением, так как именно в этот период, а не позже происходит распад французской империи. Или утверждение о том, что молодежная революция во Франции 1968 г. была бунтом меньшинства, так как это был период увеличения влияния многочисленного поколения «бэйби-бума».

Основное возражение Ларисы Валериевны вызвал главный посыл о методологическом национализме, о разделении его на государственный и международный уровни. При этатистском и культуроцентристском подходе государство ставит во главу угла ценности государства, а не человека, и интеграция мигрантов рассматривается как односторонняя культурная ассимиляция. По мнению Л.В. Дериглазовой, важно иметь в виду, что государство не является инстанцией, оторванной от общества и людей; это институт, который выполняет определенные функции, отражает их потребности и запросы. Примеры кризиса европейской государственности, приведенные в докладе, были порождены совер-

шенно практическими задачами удовлетворения социальных потребностей и реализованы европейскими государствами как конкретные задачи, которые нужно было решать. Поэтому используя внесударственные концепции и подходы, выступая как исследователи, нам важно принимать во внимание и конкретные проявления миграции, и интеграционные практики, которые не обязательно противостоят друг другу и являются взаимоисключающими.

Далее было предоставлено слово *А.А. Ярлыкапову*. Ахмет Аминович обратил внимание на то, что сегодня миграция воспринимается именно как угроза или вызов, на который нужно отвечать. И ответ должен быть дан принимающим государством, которое всегда будет предпринимать попытки интегрировать мигрантов. Однако, по его мнению, доклад Е.И. Филипповой является европоцентричным, в то время как существует много регионов с массовой миграцией, где проблемы интеграции мигрантов просто не существует. Это Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Турция и т.д. В этих регионах существуют совершенно другие практики, и мигранты там ведут себя совершенно по-другому. Поэтому в дискуссию необходимо включить громадный мир, который находится за пределами Европы, именно это нужно обсуждать, пытаться понять происходящее, так как эти процессы могут влиять на Россию и Европу.

Ахмет Аминович обратил внимание на то, что, возможно, не стоит отказываться от термина «интеграция», но нужно его внимательно анализировать, так как он по-разному трактуется и воплощается в разных странах и регионах. Ученым важно понимать, о какой интеграции идет речь – культурной или политической? Тезис о миграционном кризисе, по его мнению, не вызывает возражения, но важно анализировать не только то, что происходит в принимающих европейских странах, но и процессы в странах исхода. В них наблюдается кризис традиционной государственности и идеи национального государства. Примером этому может служить Сирия, которая до недавнего времени была вполне успешным государством, а сейчас попадает в категорию несостоявшихся. Как оказалось, идея национального государства так и «не впиталась в кровь жителей» ближневосточных стран. Крах идеи национального государства и кризис традиционной государственности ведут к поиску других форм политической организации, и отсюда колоссальная популярность идеи халифата, в том числе и в Европе. Эта идея кажется привлекательной еще и потому, что она является экстерриториальной, халифат – это не обязательно территория, но она означает идею личной лояльности. Как следствие, обостряется проблема лояльности мигрантов к принимающему государству.

По мнению *Ахмета Аминовича*, западный подход интеграции мусульман в западную политическую систему всегда будет сложным, так как у мусульман может быть личная политическая лояльность к тому,

кого они считают халифом, имамом или кем-то еще. Кризис традиционной государственности ведет к росту самоорганизации и популярности таких движений, как ХАМАС и Хезболла. Причем такие процессы характерны и для России. *Ахмет Аминович* привел пример Дагестана, где также наблюдаются кризис традиционной государственности и рост самоорганизации, когда люди, не дождавшись помощи от государства, сами решают проблемы. Например, они едут в Москву, находят необходимого специалиста-медика, своего земляка, привозят его в Дагестан, платят ему зарплату, покупают оборудование и таким вот образом обустроивают у себя медицину. Какие процессы это отражает – интеграции или дезинтеграции? Как это анализировать? Вот, что необходимо обсуждать, когда мы обращаемся в проблеме интеграции и миграции в современном мире.

Следующей выступающей была *Цыпылма Дариева*, которая рассказала о своем опыте антропологического исследования постсоветской русскоязычной эмиграции в Германию и Великобританию. Сейчас в фокусе ее исследования возвратная миграция, паломничество на родину и тема религиозного плюрализма на Кавказе. Цыпылма отметила, что в докладе представлен европоцентричный подход к пониманию взаимодействия разных культур и социальных групп в одном обществе. Это видно по трем главным терминам, которые использовала докладчик, – *транснационализм*, *космополитизм* и *сверхмногообразие* (Super-Diversity). Последний подход был предложен несколько лет назад Стивеном Вертовеком, директором Института Макса Планка по изучению мультирелигиозных и мультиэтнических сообществ в Геттингене (Германия) на материале Великобритании.

Важно напомнить, полагает *Цыпылма*, что понятие *космополитизм* имеет на постсоветском пространстве негативные коннотации, так как в период СССР космополитом всегда считался «какой-то неправильный человек, без корней, без родства, нелояльный и очень подозрительный тип». Поэтому термин «космополитизм» не может использоваться в России так же, как в западных странах и, может быть, стоит поискать другое название. Цыпылма также отметила, что понимание космополитизма на Западе разнородно, есть интеллектуальный дискурс и существуют гибкие *локальные* формы космополитизма – «конвивиальность» (conviviality), космополитизм рабочего класса и городской космополитизм, особенно в портовых и торговых городах Средиземноморья, а также Ближнего Востока. Алеппо, по мнению Цыпылмы, наверное, был одним из самых космополитичных городов на Ближнем Востоке, где существовал своеобразный местный космополитизм, который предлагал свои навыки, варианты открытого взаимодействия и коммуникативности без отказа от собственных этнических корней. То есть можно быть, как ни парадоксально это звучит, узбеком и кем-то еще. Об-

ращаясь к примеру Кавказа, она замечала, что Тбилиси и Баку были самыми космополитичными городами на территории Российской империи, а также Ереван, который до 1951 г. был таким полиэтническим городом, в котором примерно 38% населения были азербайджанцами. К сожалению, об этом все давно забыли. Сейчас и в Тбилиси, и в Баку происходит этническая национализация городского пространства, и этот процесс может иметь очень негативные последствия. Цыпылма полагает, что историкам нужно «поднять этот пласт практикующего космополитизма местного характера, описать и осмыслить эти локальные формы взаимодействия, их ограниченность во времени и пространстве».

Ц. Дариева также обратила внимание на разночтения в понимании интеграции, она по-разному понимается политиками, государственными и административными властями, средствами массовой информации, самими мигрантами, принимающим обществом и учеными. Она привела пример массовой миграции бывших советских граждан с отметкой в паспорте «еврей» или «немец», которые приехали в Германию по приглашению немецкого государства: «Вполне космополитичные советские граждане, которые в большинстве своем никакого представления не имели о том, что такое кошерная пища и что значит печь немецкие пироги на Рождество. Но принимающее общество ожидало от этих мигрантов именно таких проявлений идентичности и, соответственно, заставляло новичков это делать. Иногда доходило до курьезов, когда мигранты, уже будучи взрослыми людьми, чтобы доказать свою легитимность, шли в больницу, чтобы сделать обрезание».

Цыпылма высказала сомнение в применимости концепции сверхмногообразия для постсоветского пространства, которое предполагает наличие гетерогенного культурного пространства. По ее мнению, доклады, прозвучавшие в рамках форума, скорее показывают социально-классовое расслоение в больших городах, а не этническое, и тогда культурное разнообразие не является определяющим для возникающих проблем (например, доклад о гаражном кооперативе в Москве). Социальное многообразие проявляется в сфере жилья, поисках работы, доступе к ресурсам и в своей особой потребительской культуре. Однако социальное расслоение и территориальная сегрегация не всегда прослеживаются на постсоветском пространстве. Цыпылма сослалась на выступление Екатерины Деминцевой, посвященное стратегии расселения мигрантов под Москвой, в котором было показано, что в одном доме могут «проживать и уживаться» и состоятельные представители сегодняшнего среднего класса, и простые мигранты.

Далее слово было предоставлено *Виктору Иннокентьевичу Дятлову*. Он сразу заметил, что доклад вызвал сложные и противоречивые чувства, так как задел проблему соотношения должного и сущего. По мнению Виктора Иннокентьевича, пафос доклада был эвристичен и в ка-

кой-то мере идеологичен. Исследователям важно определить для себя, какое именно явление они наблюдают и что пытаются осмыслить при полном понимании того, что без идеологического, ценностного момента никаких эвристических моделей не бывает. Виктор Иннокентьевич заметил, что его профессия историка, возраст, его крестьянское происхождение и крестьянская культура подталкивают к консерватизму, пониманию стремления сохранить то, что сложилось веками. Это можно не разделять, но понимать и считать, что консерватизм имеет право на существование, более того – он необходим, хотя это может казаться переходом в сферу идеологии.

Однако, по мнению *В.И. Дятлова*, вне этого контекста нельзя оценить тот поворот, который мы наблюдаем и который Елена Ивановна отметила в своем докладе, – против интеграции, на усиление государства и его закрытости. Важно понимать, насколько этот поворот закономерен или случаен, возможна ли его стратегическая победа. Сомнения у Виктора Иннокентьевича вызывал сам тезис о необходимости «забыть об интеграции», который был высказан *Е.И. Филипповой*. По его мнению, несомненно, происходит кризис европейской современной государственности, однако это не означает кризиса государственности как таковой. Это может быть кризис сложившейся модели государственности, однако кризис не обязательно означает ослабление. Кризис – это поиск новых форм, новых концепций, новых стратегий, и вполне возможно, что новая модель государства не будет предоставлять такой степени свободы. Возможно, напротив, государство попытается ослабить контроль над этими процессами, чтобы общество выполняло функцию интеграции мигрантов и «заставляло пришельцев интегрироваться», принимать те нормы, на которые общество настаивает. А может быть, интеграционная политика будет совместным делом общества и государства.

Далее слово взял *Сергей Николаевич Абашин*, который заметил, что он воспринял доклад как рассказ о том, какие дискуссии, концепции сегодня существуют в Европе по поводу миграции. Однако, исходя из контекста дискуссии, для него более важным является понимание того, как этот набор европейских концепций и понятий может быть применен здесь, в России. Для этого стоит порассуждать о том, кем мы являемся и на каком языке говорим, поразмышлять о таких важных понятиях, как «кризис национального государства», и вообще о содержании концепции «национального государства» и «кризиса», над осмыслением этого кризиса через консервативный поворот. Является ли консервативный поворот реакцией на этот кризис, и как обсуждаемые понятия «работают» в российском контексте?

По мнению *Сергея Николаевича*, существуют проблемы методологического характера. У нас в стране не устоялось понятие России как национального государства, нет понимания того, что Россия – национальное

государство; существует множество контекстов, которые не соответствуют «языку национального государства в Европе». В России есть контекст больших столиц и Северного Кавказа, контекст Севера и Сибири, и отсюда разное восприятие и миграции, и многообразия. То есть невозможно говорить о России как о национальном государстве, пользуясь какими-то плоскими, «едиными» для всех регионов терминами.

Это означает, по мнению *Сергея Николаевича*, наличие собственного представления о кризисе и о том, какой консервативный поворот мы переживаем. Ссылаясь на выступление В.И. Дятлова, он задал вопрос: когда мы понимаем консерватизм как стремление сохранять «свое», что именно мы имеем в виду, что есть «свое»? В Европе национальное государство разрушается, а что мы хотим в этом консервативном повороте сохранить? Что-то «советское» или российско-имперское? Является ли это желанием национального государства – освободиться от многообразия и проблем, с ним связанных? Или это возвращение к «советскому», когда многообразие было частью повседневности и идеологии? В любом случае, по мнению *Сергея Николаевича*, это вопросы, которые требуют серьезного размышления.

Второй темой, к которой обратился *С.Н. Абашин*, была критика понятия «интеграция». Он поддерживает необходимость критики, однако, по его мнению, это должна быть не критика политического, прикладного языка, а именно языка аналитического. В условиях господства языка «интеграции» существуют значительные проблемы, связанные с методологическим национализмом. Ограниченность существующего подхода заключается в том, что миграция – это всегда многосторонний процесс: есть сторона выезда, есть сторона приезда, и множество интересов, с этим связанных. В России же по-прежнему сохраняется односторонний подход, когда изучают то, что мигранты делают в России, а это всегда неполная картина того, как мигрант живет. Ведь мигрант живет не только в Томске, Москве или Петербурге, у него есть другая жизнь, которую «методологический национализм не видит».

Другая проблема концепта «интеграции», по мнению *Сергея Николаевича*, заключается в том, что этот процесс рассматривается как детерминированный, когда мигранты приезжают, чтобы «обязательно интегрироваться», и других стратегий и тактик у них нет. Такая концептуальная рамка интеграции имеет много «слепых зон», когда исследователи не видят многообразия всей жизни мигрантов, связанного с его отношениями с домом, с возвратной миграцией и т.д. «Оптика интеграции» предполагает исследование только того, как мигрант взаимодействует с российским обществом, а все остальное кажется маргинальным и периферийным. Однако критика концепции интеграции не должна означать отказ от этой концепции, но возможно и необходимо использовать «разные аналитические конвенты», чтобы посмотреть на разные ситуации.

Сейчас наблюдается не только массовая миграция, но и тенденция оттока мигрантов, уезжают миллионы людей. Ученым важно понять, кто эти люди, почему они уехали, надолго ли они уехали, с чем они уехали, что они «отсюда вывезли туда». Существует маятниковая миграция, которую описывает классическая транснациональная теория, и такие мигранты не собираются интегрироваться в том классическом смысле, который вкладывается в концепцию интеграции. Ученым необходимо увидеть, как живут эти люди, как происходит их ротация, какова продолжительность их пребывания, почему они приезжают и уезжают, с какими трудностями они сталкиваются. Есть классические мигранты, которые приезжают, чтобы остаться, и у них есть разные стратегии интеграции. Для таких применим интеграционный аналитический подход. То есть важно признавать наличие разных языков и разных аналитических инструментов, и это означает, что необходимо использовать все методологические инструменты, а не сводить дискуссию к тому, интегрируются или нет мигранты, это вопрос скорее прикладной миграционной политики, а не ученых.

Сергей Николаевич также отметил, что в публичном языке, в языке чиновников, господствует отношение к мигрантам как к иммигрантам, и этим видением определяется вся практическая политика, включая получение мигрантами патентов и сдачу экзаменов. Такой подход подразумевает «интеграцию», т.е. то, что мигранты приехали, чтобы остаться, а поэтому мы должны их учить русскому языку, проводить политику адаптации. Однако наблюдения показывают наличие множества стратегий у самих мигрантов, и поэтому обсуждение миграционной политики должно проходить с учетом многообразия мигрантских стратегий, а правовые инструменты должны более гибко учитывать эти разные стратегии. Кроме того, важно вовлекать в дискуссию не только интересы национального государства, но и проблему прав человека, включая права мигрантов, которые являются не менее важными, чем интересы «нашего национального государства». С.Н. Абашин подчеркнул, что важно учитывать существование наднациональных объединений, и это не только Европейский союз, но и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), инициированный Россией. Исследователям необходимо изучать интересы этих наднациональных объединений и тех людей, которые в них живут, их практики. Таким образом, разнообразие аналитического языка поможет видеть и акцентировать прикладные вопросы, которые будут важны и для выработки политики, и для решения практических вопросов. В завершение своего выступления, Сергей Николаевич привел в пример свою аспирантку, которая, являясь гражданкой Армении, сталкивается с проблемой миграционного регулирования и вынуждена каждые три месяца пересекать границу с Россией, чтобы вновь получить российскую визу. И это при том, что Армения

входит в Таможенный союз в рамках ЕАЭС, который предполагает свободное движение капиталов и людей.

После выступления основных диспутантов слово было предоставлено *Е.И. Филипповой* для ответа на высказанные замечания. Она согласилась с тем, что ее доклад является европоцентричным, и объяснила это тем, что он был подготовлен для конференции, посвященной миграции в Европу, и тем, что дискурс интеграции характерен именно для государств-наций, которые сложились в Европе. Именно в Европе доминирует дискурс интеграции. Кроме того, по мнению Елены Ивановны, современный кризис национального государства отражает неудачу переноса этой модели на постколониальное пространство в Африке или Азии. Африканским и азиатским странам не удалось построить национальное государство потому, что не удалось заключить и выполнить социальный договор, согласно которому государство гарантирует гражданам безопасность и социальную защищенность, а граждане в ответ гарантируют государству свою лояльность и активное участие в жизни этого государства. Елена Ивановна заметила, что сегодня многие европейские государства, которые позиционируют себя как социальные, не могут выполнить взятые на себя обязательства и население теряет лояльность по отношению к государству. Отсюда уход от налогов, перевод предприятий и фирм в оффшорные зоны, переезд в другие страны, где меньше налоговый гнет и т.д.

Обращаясь к проблеме консерватизма, *Елена Ивановна* сказала, что она понимает стремление сохранить привычное, однако изменения необратимы, так как происходит повсеместный глубокий кризис модели национального государства эпохи модерна, которое сегодня не отвечает требованиям времени. Современная борьба за ресурсы, по ее мнению, приведет к «перекройке всего мироустройства», в том числе границ, которые будут уничтожаться и будут появляться новые, может произойти вторая колонизация, но не государствами государств, а транснациональными экономическими агентами определенных сфер добычи сырья и производств.

Елена Ивановна согласилась с высказанными мнениями о том, что существуют разные понятия интеграции, и это определяется усложнением социального пространства в условиях сверхмногообразия. Она также признала необходимость критики самого термина «интеграция» и возможность использования различных подходов для анализа сегодняшних реалий.

Далее слово было предоставлено *Олегу Владимировичу Корнееву*, который также высказал свои критические суждения по поводу основного доклада. Первое его замечание было связано с тем, что Европу в России нередко представляют как нечто однородное, а она таковой не является. При использовании термина «Европа» важно понимать его

значение: это наднациональный уровень Евросоюза или гораздо менее интегрированный, но тоже наднациональный уровень нормативных рамок Совета Европы или имеются в виду отдельные государства, которые входят или не входят в ЕС? Также ему показались неясными тезис об отказе от концепции интеграции, а также то, кто должен отказаться от этой концепции – ученые, или это отказ от интеграции как стратегии и политической практики.

Рассматривая стратегию интеграции мигрантов в ЕС, *Олег Владимирович* привел пример регулярно проводимого исследования по выявлению индекса миграционной политики (Migrant Integration Policy Index (MIPEX)), методика которого была разработана аналитическим центром в Брюсселе (think-tank Migration Policy Group). Этот индекс оказался удобным аналитическим инструментом, который четко указывает на то, что индексируется. Это не индекс реальной интеграции мигрантов, а именно анализ политики, оценка законодательного уровня и правоприменения в сфере интеграции мигрантов в разных государствах по ряду показателей. Это исследование проводится каждый год, и его методику постоянно совершенствуют, сейчас это пятое или шестое издание. Действительно, в ЕС очень озабочены вопросами интеграции, это никуда не ушло из политической практики, стратегии и повестки дня. По мнению Олега Владимировича, эта проблема останется значимой для ЕС, судя по стратегическим документам Европейской комиссии и реакции на эти документы Европарламента.

Олег Владимирович также обратился к проблеме национального государства и его воплощения в России, о чем говорил С.Н. Абашин. По его мнению, нигде не существует полностью гомогенного, отвечающего полностью идеальной модели национального государства. Он привел в пример Великобританию с ее разнообразием, где политические стратегии и позиции централизованного государства оказываются порой противоположны миграционной политике Шотландии. В Шотландии стремятся привлечь новое население, а официальная позиция Великобритании направлена на сужение каналов миграции.

Обращаясь к отсутствию проблемы интеграции мигрантов в странах Ближнего Востока, *О.В. Корнеев* сослался на выводы ведущего эксперта и демографа по Ближнему Востоку Филиппа Фарга, руководителя Центра миграционной политики в Европейском университетском институте во Флоренции. Последний объяснил этот феномен с юридической точки зрения. Страны Ближнего Востока четко сформулировали в программных документах и законах отсутствие интереса к постоянной иммиграции, и этот вопрос рассматривается исключительно в юридической плоскости, а не в идеологической или политической. Этим государствам с небольшой территорией и небольшим потенциалом принятия мигрантов не нужны постоянные мигранты, и поэтому нет пробле-

мы с их интеграцией. Эти страны прямо заявляют о том, что они готовы пускать мигрантов работать и зарабатывать, но им не предоставляется таких же прав, что и гражданам этих стран. По мнению *Олега Владимировича*, этот подход вписывается в концепцию, которая выдвигается в недавней книге Мартина Рухса «The Price of Rights» (Ruhs 2013). Этот ученый из Оксфорда написал работу о миграции и правах мигрантов, в которой он предлагает уменьшить права мигрантов, предоставить им минимум прав, но пускать всех, кто хочет. Тогда мигранты должны сами решать проблемы, с которыми они сталкиваются, находясь в другой стране.

О.В. Корнеев также высказался о проблеме прав мигрантов в наднациональных объединениях, имея в виду ЕАЭС и пример С.Н. Абашина с его аспиранткой из Армении. Он подчеркнул, что пленарное выступление Сергея Валерьевича Соколовского о дисциплинарности, междисциплинарности, трансдисциплинарности антропологии² показывает, насколько важным и продуктивным бывает обсуждение с участием представителей разных дисциплин. По его мнению, при обсуждении проблемы интеграции мигрантов в рамках данного круглого стола явно не достает мнения юристов, которые могут внести ясность в то, что происходит со странами ЕАЭС. По его мнению, один из ведущих российских экспертов по трудовому и миграционному праву, юрист Руслан Давлетгильдеев из Казанского федерального университета, очень понятно объяснил причины таких затруднений отсутствием разработанных подзаконных актов, которые необходимы, чтобы начали работать основные договорные акты.

Отвечая на новые суждения, *Е.И. Филиппова* подчеркнула, что ее также интересовали категории, в которых осмысливается процесс интеграции, и когда она заявила о том, что разговоры об интеграции являются анахронизмом, она не имела в виду исчезновение задачи интеграции мигрантов, которую пытаются решить государства. И конечно же, разные страны по-разному обращаются к этой проблеме, как, например, государства Ближнего Востока, которые не обещают своим мигрантам полноправного включения в общество, и, несмотря на жесткую эксплуатацию, люди продолжают ехать туда, чтобы зарабатывать, а не за правами человека. Пример Европы совсем другой. Сюда часть мигрантов едет не только за заработком, но и с желанием найти лучшую жизнь, в надежде остаться навсегда и стать полноправными членами общества, и когда этого не происходит, наступает разочарование. То есть, полагает Елена Ивановна, «миграционный проект» конкретного мигранта влияет и на выбор страны, и на стратегию интеграции, и на степень удовлетворенности результатом.

Далее в дискуссию включился *Отто Хабек*, который представил себя как европейца и сторонника сверхмногообразия. В отличие от мно-

гих выступающих, он выразил полное согласие с основными тезисами выступления Е.И. Филипповой. Он высказал свое наблюдение о росте отчуждения в Германии, когда часть населения защищает плюралистические представления, а другая часть настроена консервативно. Также он привел пример своих студентов в Гамбурге, которые говорят о необходимости принимающего общества пойти навстречу мигрантам, попытаться создать что-то новое, гибридное, другое. На периферии, вне больших городов, он часто видит совершенно противоположную картину. И хотя в Германии нет такой пропаганды патриотизма «сверху», как это сейчас происходит в России, в Германии отмечаются «конституционный патриотизм», консерватизм и чувство беспокойства. По мнению Отто, в Германии для достаточно большого количества немцев консерватизм является важным компонентом их жизненных устремлений.

К дискуссии присоединилась *Бавна Даве*. Она обратила внимание на понятия «интеграция» и «сверхразнообразия», вокруг которых развернулась дискуссия. Она заметила, что есть еще одно понятие – «глубокое разнообразие» (Deep Diversity), его использует Уилл Кимлика (Will Kymlicka), канадский социолог, в своей книге «Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights» («Мультикультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств») (Kymlicka 1996). Кимлика изучал меньшинства в Канаде, включая коренных индейцев, которые являются автохтонным населением и «первой нацией», так как именно им принадлежала земля до приезда европейских иммигрантов. Однако индейцы оказались меньшинством со своими особыми правами, а есть в Канаде и другие меньшинства – мигранты, которые приехали и тоже заявляют о своих правах. Термин «глубокое разнообразие» означает, что каждый пытается совместить коллективное и индивидуальное понятие идентичности культуры.

В российском контексте, по мнению *Бавны Даве*, преобладает групповое понятие культуры и идентичности, и не всегда признается право индивидуума отказаться от своей группы. Понятие «глубокое разнообразие» предполагает, что каждая группа сама определяет способы интеграции входящих в нее людей как на групповом, так и на индивидуальном уровне. По сути, полагает Бавна, в основном мигранты хотят интегрироваться, но если государство начинает диктовать темпы и схемы интеграции, то возникают проблемы. Именно поэтому нужна постоянная дискуссия о том, что такое «интеграция», это понятие не может быть статичным, и оно не должно быть закрытым для обсуждения.

Саодат Кузиевна Олимова обратилась к проблеме интеграции в других регионах и высказала суждение о том, насколько разработанные европейцами концепты применимы к опыту недемократических и нелиберальных стран, например Китая. По ее мнению, везде есть интеграционные модели и практики, осмысление интеграции, есть законо-

дательное закрепление и есть отношение общества к этой проблеме, а также отношение самих мигрантов к интеграционным практикам принимающего общества. Она сослалась на проблему интеграции бирманцев в Таиланде. Говоря о Саудовской Аравии, она обратила внимание, что здесь живут порядка девяти миллионов мигрантов из разных стран, включая полтора миллиона пакистанцев и афганцев, и это мигранты во втором и третьем поколении. Однако вряд ли можно ожидать их скорого отъезда, так как они обслуживают потребности многочисленных паломников. Поэтому, по мнению *Саодат Кузиевны*, так важно осмысливать весь мировой опыт миграции, а не только пример Европы. Она также обратилась к проблеме «нового кочевничества», которое представлено не только высокостатусными группами, этот феномен распространен и в авторитарных странах, и в Европейском союзе. Новое кочевничество предполагает совершенно другие модели миграции и интеграции. Это также касается нового поколения молодых, поколения «Y», которое имеет свои представления, конструкты и концепты и о которых пока не так много известно. Молодежь несет абсолютно новый взгляд на мир, и это требует новых инструментов и нового исследовательского языка.

Отвечая на замечания С.К. Олимовой, *Е.И. Филиппова* заметила, что она вовсе не призывает отказаться от концепта, но считает нужным изменить его содержание, и не только применительно к Европе. По мнению Елены Ивановны, в публичном дискурсе под интеграцией понимается именно интеграция в национально-государственное сообщество, в то время как под ней нужно понимать нечто гораздо более разнообразное и широкое, в том числе создание тех социальных структур, сетей и связей, которые позволяют мигранту существовать на новом месте и обеспечивать свои базовые, а иногда и экзистенциальные потребности. Обращаясь к проблеме новых кочевников, *Е.И. Филиппова* заметила, что из-за нехватки времени она не могла подробно осветить тему космополитизма и затронула только одно из его проявлений. Конечно же, космополитизм как социальное явление затрагивает очень широкие слои, а как осмысленная идеология, сознательно культивируемый образ жизни – это удел, прежде всего, тех слоев населения, которым свойственна рефлексия и которые строят вокруг этого философию своего бытия. Именно этих людей имела в виду Елена Ивановна, когда говорила, что их круг узок и никогда, наверное, не будет слишком широк, в отличие от людей, перемещающихся по свету в поисках жизненных ресурсов, которых, конечно же, гораздо больше.

К дискуссии также присоединилась *Е.В. Миськова*, которая высказалась о невозможности отказаться от термина «интеграция» или от политики интеграции. Елена Вячеславовна процитировала Джорджо Агамбена, который описал фигуру беженца как заложника той двойственности евро-

пейской политики и идеологии, которая существует на протяжении уже многих десятилетий, когда гуманитарная составляющая прав человека сталкивается с политикой национального государства и с понятием суверенитета как такового. Суверенитет, по мнению *Елены Вячеславовны*, можно определить как нормативность. Мигранты являются некой внетерриториальной экс-нормативностью, и отсюда один шаг до абсолютной анормативности, которая не может возобладать, так как приведет к полному краху. Такая двойственность, о которой Агамбен писал, является структурообразующей для Европы, это позволяет ей оставаться «Европой», принимать и в конце концов переваривать этот «сель» мигрантов. Елена Вячеславовна подчеркнула, что если исключить эти гуманитарные и во многом идеологические конструкторы, то возникнет проблема с самими европейцами, с тем, кем они являются.

Л.В. Дериглазова, подводя итог дискуссии, заметила, что в обсуждении и докладе Елены Ивановны Филипповой прозвучали суждения, которые позволяют говорить о существовании мифа о гомогенности общества, однако общество никогда и нигде не было однородным. Разные страны в разной степени сталкивались с массовой миграцией. Поэтому, рассуждая о концепции интеграции и политике интеграции и осмысливая их, важно иметь в виду конкретную концепцию интеграции и ту политику, которая всегда ориентирована на решение конкретных задач определенного общества в конкретный момент. Ведь именно эти обстоятельства будут определять и нормативную базу, и те практики, которые существуют в рамках правового поля (или вне его), и когда общество решает само для себя, как жить в новых сложившихся обстоятельствах. Лариса Валериевна поблагодарила Елену Ивановну за то, что ее выступление вызвало интересную дискуссию, и если задача Е.И. Филипповой заключалась в том, чтобы устроить провокацию (о чем она говорила вначале), то провокация состоялась. Было много споров, много суждений, согласий и несогласий, и это лучший комплимент выступающему.

Примечания

¹ Первая попытка обзора дискуссии на этом круглом столе была предпринята Н.П. Погодаевым (Погодаев 2017: 52–72). Я также благодарю Н.П. Погодаева за предоставленную в мое распоряжение расшифровку аудиозаписи для подготовки данного обзора.

² Полностью текст выступления был опубликован в том же году в виде статьи (Соколовский 2016: 12–29).

Литература

- Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1996.
- Ruhs M.* The Price of Rights: Regulating International Labor Migration. Princeton University Press, 2013.
- Первый* Томский антропологический форум «Антропология в поисках нового языка описания»: тез. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д.А. Функ, И.В. Нам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 172 с.

- Погодаев Н.П. Дискуссия о языке описания взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества в условиях постмодерна // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 2. С. 52–72.
- Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29.
- Филиппова Е. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М.: Дело, 2016. С. 305–322.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2017 г.

Deriglazova Larisa V., Tomsk State University (Russia)

IS IT POSSIBLE TO LEAVE ASIDE ‘THE DISCOURSE AROUND INTEGRATION OF MIGRANTS AS A CONSERVATIVE ANACHRONISM OF THE ERA OF TRANSNATIONALISM?’*

Abstract. The overview outlines the results of a roundtable discussion of methodological approaches to research into integration of migrants in today’s world which was held on 16 September 2016, during I Tomsk Anthropological Forum, titled ‘Anthropology in Search of a New Language of Description’. It shows how the issue of ‘methodological nationalism’ and the use of such concepts as transnationalism, cosmopolitanism, super-diversity, and deep diversity were analyzed during the discussion. Also set out in the overview are the lines along which the essence of the postmodern conservative turn, the crisis of national state, and conditions for migration in Europe, Russia, and worldwide were discussed.

Keywords: migration, integration, methodological nationalism, transnationalism, cosmopolitanism, super-diversity, conservative turn

* The overview is written under a project, titled “Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present” (grant #14.B25.31.0009 issued under the Russian Government Decree #220).

DOI: 10.17223/2312461X/16/10

References

- Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford University Press, 1996.
- Ruhs M. *The Price of Rights: Regulating International Labor Migration*. Princeton University Press, 2013.
- Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniia: Tezisy mezhd. nauchn. konf. Pervyi Tomskii antropologicheskii forum* [Anthropology in search of a new language of description: Abstracts]. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2016. 172 p.
- Pogodaev N.P. Diskussiiia o iazyke opisaniia vzaimodeistviia migrantov i prinimaiushchego soobshchestva v usloviakh postmoderna [A discussion over the conceptualization of interaction between migrants and host societies after the postmodern turn], *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2017, no. 2, pp. 52–72.
- Sokolovskii S.V. Budushchee antropologii: kross-, inter-, mul'ti-, trans-, a- ili postdistsiplinarnost'? [The future of anthropology: cross-, inter-, multi-, a-, or tradisciplinarity?], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 12–29.
- Filippova E. Diskurs ob integratsii – konservativnyi anakhronizm epokhi transnatsionalizma [Discourse around integration as a conservative anachronism of the era of transnationalism], *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskoi turbulentnosti* [Transnational migrations and modern states in the times of economic turbulence]. Moscow: Delo, 2016, pp. 305–322.